

Большинство его собственных средств самообороны обычно были при нём, а оставшиеся в рюкзаке мелкие инструменты вряд ли позволили бы ребёнку заметить хоть что-то подозрительное, поэтому он кивнул.

Получив разрешение, Е Муань тут же принялся рыться у него в рюкзаке. Складной нож лежал в самом внешнем кармашке, и он быстро отыскал его, но останавливаться не стал, а шарил внутри ещё долго. Когда же он вытащил руку обратно, в его кулаке оказались два флакона со специями, причем при виде одного из них его брови сошлись на переносице.

С того момента, как Цай Боань начал обыскивать его рюкзак, И Вэньтун краем глаза следил за каждым его движением. Заметив, как у Цай Боаня переменялось выражение лица, он мысленно вздрогнул. То был флакон с нитритом натрия: внешне он ничем не отличался от обычной поваренной соли, но при чрезмерном употреблении мог вызвать смертельное отравление. В конце концов, сейчас он играл роль повара, и держать такую вещь на случай самообороны под рукой было более чем разумно — тем более, что ни по внешнему виду, ни даже по запаху её невозможно было отличить. Однако внезапно помрачневшее лицо ребёнка поневоле заставило его заподозрить, что тот действительно что-то разглядел.

Пока И Вэньтун терзался догадками, сам Е Муань тоже пребывал в замешательстве. Стоило ему только поднять этот пузырек со специями, как Система завопила об опасности и сообщила, что внутри находится ядовитое вещество. Поразмыслив немного, он сообразил, что именно там спрятано, но с чего бы И Вэньтуну таскать такое с собой?

Опираясь на многолетний опыт просмотра драматических сериалов о борьбе за наследство в торговых кругах, Е Муань тут же додумал в уме несколько десятков тысяч слов о перипетиях богатых семейств и в конце концов пришел к выводу: это наверняка кто-то, завидующий старшему внуку семьи И, намеренно подсыпал яд.

Тц-тц-тц, какой же злой умысел! Если бы не он, И Вэньтун ведь погиб бы ни за что ни про что.

При этой мысли Е Муань нарочно позволил руке соскользнуть, и стеклянная баночка со специями вошла в тесный контакт с землей. После звонкого щелчка нитрит натрия вперемешку с осколками стекла рассыпался по земле.

— Ой, посмотрите на мои руки-крюки, простите, пожалуйста.

Е Муань изо всех сил изображал раскаяние, а его беспомощный вид и вовсе не позволял кому-либо затаить на него обиду.

И Вэньтун: «.....»

Какая утрированная игра... Стоило ли ему подыграть ребёнку и сделать вид, что он ничего не заметил? Но как сорванец вообще догадался, что с этим пузырьком что-то не так? И Вэньтун терзался сомнениями, однако внешне остался невозмутим:

— Ничего страшного, подумаешь, соль. В рюкзаке есть ещё одна пачка, поищи сам.

Е Муань отыскал запасную соль, и на этот раз всё прошло без сучка и задоринки. Он смешал приправы в нужных пропорциях, замариновал в них предварительно вымытые съедобные грибы, завернул их в листья банана, после чего принялся сооружать гнездо на крепких ветвях выбранного крупного дерева.

Если честно называть это гнездом, то на деле он просто набросал немного мягкой травы для успокоения совести, хотя сидеть на ней было всё так же колко.

Закончив со всем этим, Е Муань спрыгнул с дерева и увидел, что И Вэньтун сидит у костра. Над огнем была установлена простая подставка, на которой покоился импровизированный «котел»: вода в нем весело булькала и клочотала, а сам И Вэньтун неотрывно смотрел прямо на него.

Заметив, что Е Муань посмотрел в его сторону, И Вэньтун даже бровью не повел:

— Этот навык лазания по деревьям тоже из телешоу подсмотрел?

Само по себе умение лазать по деревьям было не сказать чтобы редким, но вот ухитриться одновременно укладывать траву на ветках и удерживать равновесие — в этом определенно была сложность.

— Опыт реальных боев, в детстве частенько лазал.

И Вэньтун больше ничего не сказал, а лишь повернулся к котелку и безмятежно бросил туда промытые грибы и только что по случаю сорванные дикие овощи.

Е Муань подцепил палкой несколько угольков из костра, положил на них банановый лист с завернутыми грибами, а затем вытащил из кармана одежды несколько маленьких сладких бататов, которые прихватил по пути, и разложил их по самому краю пламени.

Е Муань легонько улыбнулся:

— Десерт после ужина, всё готово!

Эта улыбка на мгновение ослепила И Вэньтуна, и он нахмурился:

— Мы всего лишь утоляем голод, а у тебя такой вид, будто нам предстоит роскошный пир.

— В дикой глуши разве это не роскошный пир?

Е Муань по-прежнему безмятежно улыбался. У него была привычка легко адаптироваться к любым обстоятельствам: точно так же, как в мгновение ока он перенесся в этот мир и превратился в Цай Боаня, его единственной мыслью было — раз уж попал сюда, живи так, как велят обстоятельства.

Поразмыслив немного, Е Муань снова подался ближе к И Вэньтуну и, пару секунд понаблюдав за ним, произнес:

— Хватит хмуриться, старишься ведь.

И Вэньтун и впрямь разгладил лоб, после чего с бесстрастным выражением лица отвернулся и уставился на то, что происходило в котелке.

Раз уж собеседник не шел на контакт, Е Муань тоже счёл это слегка скучным, отвел взгляд и уставился на огонь, мысленно тяжело вздыхая: этот старший внук семьи И обладал абсолютным талантом убивать любой разговор на корню! К счастью, ему не приходилось изо дня в день лицезреть эту мину, иначе он бы точно задохлся от тоски! Впрочем, эта бесконечная долгая ночь тоже обещала выдаться не из легких!

Сам И Вэньтун в этот момент тоже предавался угрюмым мыслям. Если бы кто-нибудь сказал ему подобное в прежние времена, он автоматически перевел бы эти слова как похвалу его зрелости, но услышать от ребёнка, что он старый, было как-то неприятно. Данные Системы показывали, что сорванец был младше его нынешнего персонажа всего на два года — разница в возрасте не такая уж и большая.

И Вэньтун украдкой бросил взгляд на мальчишку: его бледное личико слегка порозовело от близости к огню. И хотя губы не были надуты, в глазах таилось какое-то досадливое выражение — то самое милое выражение, свойственное лишь подросткам. Вспомнив же, как его описывали окружающие, включая старика — мол, уравновешенный, опытный, не по годам зрелый... Похоже, в этом и правда была доля правды, и он действительно выглядел чуточку старовато?

Поворачивая угольки в костре, И Вэньтун подумал про себя: «Какой же всё-таки препротивный ребёнок!»

Наконец тяжёлая, слегка неловкая атмосфера между ними рассеялась вместе с плывущими ароматами еды.

Стоило развернуть банановый лист, как природный аромат съедобных грибов вперемешку со свежестью банановой листвы ворвался в сознание Е Муаня, отчего его голос невольно зазвучал звонче и веселее:

— Закуска прибыла!

И Вэньтун, казалось, заразился этим весельем в его словах и на редкость продемонстрировал проблеск ожидания на лице.

Е Муань откусил маленький кусочек. На самом деле он был совсем не уверен в конечном вкусе этого блюда: сначала он собирался скопировать запеченные в фольге эноки, но потом обнаружил, что съедобные грибы, собранные И Вэньтуном, ему незнакомы. С другой стороны, раз уж И Вэньтун сам их собирал, подумалось ему, это наверняка хорошие продукты, и заменить ими эноки вполне сойдет. К сожалению, специй, найденных в рюкзаке И Вэньтуна, оказалось недостаточно, так что ему оставалось лишь сдобрить всё обычной солью и перцем чили. Что именно получится при нехватке приправ и неизвестности самих грибов — об этом Е Муань тоже гадал с большим интересом.

Как только эти запеченные в банановых листьях неизвестные грибы попали на язык, Е Муань поморщился. По мере того как он пережевывал пищу, брови сходились всё круче, но когда он наконец проглотил кусок, межбровье разгладилось, словно небо после снегопада.

И Вэньтун молча следил за Е Муанем, не упуская ни единого выражения его лица.

— Вкус очень странный?

На самом деле, когда он впервые увидел, что Цай Боань пренебрег таким количеством других съедобных грибов и выбрал именно этот, он уже догадывался о таком исходе. У этого вида грибов было прозвище собака не станет есть, потому что от них исходил кислый и онемеваящий привкус, и даже до смерти голодные бродячие псы не соглашались их грызть — до того отвратителен был вкус. Однако для приготовления одного особого соуса требовалось обязательно добавить их, поэтому он и сорвал их попутно.

Е Муань кивнул. Эти съедобные грибы сами по себе обладали специфическим кисло-острым онемеваящим привкусом, от которого рецепторы во рту словно мгновенно пробуждались ото сна. Но поскольку грибы запеклись, завернутые в банановый лист, сладость и свежесть листы смешались с ними и смягчили эту кислоту и онемение. Благодаря этому в момент проглатывания сильный первоначальный привкус не перебивал природную сладость и нежность грибов, а с учетом добавленных им специй вкус получался чем-то отдаленно похожим на куриное филе по-китайски под пикантным соусом.

И Вэньтун только хотел было бросить фразу вроде Ничего страшного, если невкусно, у нас же есть кое-что еще, как вдруг увидел, что Е Муань с улыбкой произносит:

— Вкус действительно очень странный, но неплохой. Хочешь попробовать?

Неужели это сорванец пытается сохранить лицо и улыбается сквозь силу? И Вэньтун вспомнил, как в последнее время перед подготовкой к соревнованию Цай Боань был смертельно утомлен, но у него всё равно ничего не получалось. Наверняка сейчас мальчишка отчаянно нуждался хоть в какой-то поддержке.

Слова подначки уже вертелись у И Вэньтуна на языке, но, заметив слегка изогнутые в улыбке глаза подростка, он молча взял и попробовал кусочек.

Увидев, что лицо И Вэньтуна ни капли не изменилось даже после того, как тот полностью проглотил еду, Е Муань не удержался и с некоторой боязнью спросил:

— Ну как?

— Нормально, только перца бы побольше.

Если Е Муань оценивал блюдо исключительно с позиции гурмана, рассуждая о его неплохом вкусе, то И Вэньтун вынес вердикт, отталкиваясь от личных предпочтений. Он очень любил острую и пряную пищу с сильным жгучим вкусом. Здесь же доминировала кислинка и онемение, сладости было совсем чуть-чуть — ровно столько, сколько нужно, а единственным изъяном стало то, что Е Муань сначала не был уверен в свойствах продукта и не осмелился положить много чили.

— А ты любитель поострее, — пробормотал Е Муань.

Слова были справедливы, но И Вэньтуну почему-то казалось, что в них таится какой-то не тот подтекст.

Е Муань предпочитал сладковатую еду, и эта странная грибная смесь определенно была не в его вкусе. Зато тот самый человек, который с легким презрением бросил «нормально», уплетал всё за обе щеки: в конце концов, большая часть странных грибов перекечевала в желудок И Вэньтуна.

И это было к лучшему: чем больше И Вэньтун съест этих странных грибов, тем меньше места останется у него в животе, а значит, следуя закону сохранения, во время поедания грибного супа у него появится веская причина умять побольше.

При этой мысли взгляд Е Муаня невольно приковался к котелку с супом.

Судя по всему, странные грибы пришлись мужчине по вкусу. Заметив жадный взгляд ребёнка, похожий на выражение проголодавшегося кота, И Вэньтун неожиданно терпеливо пояснил:

— У этих грибов молочный привкус, но поначалу бульон отдает терпкостью. Чем дольше варится суп, тем слабее становится терпкость и тем насыщеннее — сливочный аромат. К тому времени, как весь молочный вкус грибов полностью выварится, сущность диких овощей как раз успеет соединиться с ними. Е Муань кивнул, но глаз от похлёбки по-прежнему не отрывал:

— Эту похлёбку всё-таки нужно варить подольше, тогда она вкуснее.

— Я знаю, ты же только что об этом говорил.

— Не мог бы ты отодвинуть лицо чуть подальше от края котла?

— ...

Когда суп из грибов и диких овощей был полностью готов, И Вэньтун взял «чашку», сделанную попутно при изготовлении котла, налил туда похлёбку и протянул Е Муаню.

Поскольку он и так проголодался за весь день, Е Муаню сейчас было уже не до вежливости: он изо всех сил подул на поднимающийся от еды жар и принялся за еду. Суп оказался невероятно ароматным, и хотя процесс приготовления был самым простым, именно эта простота позволила полностью сохранить первозданный свежий вкус грибов и диких трав.

Утолив голод тремя чашками грибного супа подряд, Е Муань наконец с полным удовлетворением отставил посуду.

И Вэньтун бросил на него косой взгляд:

— Наелся?

Глаза Е Муаня изогнулись полумесяцами:

— Я давно уже не ел с таким удовольствием.

Это была чистая правда. Некоторое время назад события в семье не оставляли ему времени ни на что другое, а после получения задания его отправили на базу, где еда, разумеется, была не ахти какой. Сразу после этого его в спешке забросили в незнакомый мир, и как бы внешне он ни казался спокойным, в глубине души всё равно сохранял долю бдительности и тревоги. Он никак не ожидал, что в этой глуши, с человеком, которого знал всего ничего, самая обычная стряпня подарит ему столь прекрасную трапезу.

И Вэньтун видел, что парень действительно счастлив. На его лице на мгновение промелькнуло сложное выражение, но тут же вернулось к привычному:

— Ты слишком легко удовлетворяешься. Если я в будущем угощу тебя роскошным обедом, ты разве не взлетишь от радости до небес?

Е Муань покачал головой:

— Помимо качества самого блюда, чтобы еда принесла радость, нужно, чтобы человек ел её в

правильном месте, в правильное время и с правильным настроением.

И Вэньтун приподнял бровь:

— Выходит, по твоему мнению, сейчас все эти условия соблюдены?

— Всё сложилось идеально.

И Вэньтун ничего не ответил на это заявление, но для Е Муаня это означало молчаливое согласие. В тот момент он снова ощутил некую нереальность происходящего: казалось, будто семейные потрясения месячной давности остались где-то в прошлом веке, а он по-прежнему может жить на свободе как душе угодно.

Увы, реальность всегда сурова — его не на курорт отправили, а попросту сослали. Мимолетная праздность умудрилась притупить его боевой дух, пробудив в душе глубокое чувство вины. Он не смел и вообразить, как отреагирует дедушка, узнай он, что внук самовольно согласился выполнить это задание. Е Муань предпочел бы, чтобы дед рассвирепел и отрекся от него, лишь бы не терзался тревогами и печалью. Он собственными глазами видел, как стремительно, буквально на глазах, старел дед в тот период, когда пришла весть об исчезновении старшего брата.

Он понимал боль дедушки, и это переплетение чувств стало для Е Муаня настоящим мучением. Хотя для самого старика возвращение внука живым в тот мир было бы величайшим утешением, после таких размышлений от недавнего безмятежного настроения почти ничего не осталось.

Е Муань резким движением поднялся на ноги и направился к дереву.

— Ты собрался отдыхать? — спросил И Вэньтун.

Е Муань не ответил, в два счета взбравшись на дерево.

Тот, кто еще мгновение назад рассуждал перед ним о приятных вещах и изысканной еде, теперь слился своим силуэтом с ночной темнотой. И Вэньтун нахмурился. Он не знал, о чем подумал мальчишка, раз в его чистых глазах отразилось столь глубокое горе — словно в следующую же секунду весеннее тепло сменилось ледяной пучиной.

Взгляд этот вызвал у него легкое беспокойство своей непостижимостью. Это напоминало затишье перед бурей: такое мягкое, но смертельно опасное. Ему было страшно любопытно, что же кроется под этой прозрачной гладью. Быть может, именно в этом и заключался ключ к исправлению бага в этот раз? Ему оставалось лишь ждать, пока под этой ясностью не покажется верхушка айсберга.

На следующий день, когда Е Муань проснулся, роса уже высохла.

Вчерашнее настроение было надежно спрятано, и Е Муань вернул себе привычную вальяжность. Спрыгнув с дерева, он увидел, что И Вэньтун как раз собирает рюкзак.

Е Муань бросил:

— Утро доброе!

И Вэньтун поднял голову, пристально взгляделся в его лицо, а затем снова опустил взгляд и продолжил укладывать вещи.

Какая вредная вредина, мысленно проворчал Е Муань.

— Ты что, собрался спускаться с горы? — спросил он.

— А ты намерен поселиться здесь на ПМЖ? — в тон ему ответил И Вэньтун.

— Ты что, уже нашел дорогу вниз? — не остался в долгу Е Муань.

И Вэньтун как раз закончил сборы, поднялся на ноги и закинул рюкзак за спину:

— За мной.

Е Муань с сомнением посмотрел на эту спину, собираясь что-то сказать, но в конце концов молча последовал следом.

Стоило И Вэньтуну оглянуться, как он заметил недоверие во взгляде мальчишки. Не удержавшись, он протянул руку и взъерошил тому волосы — на ощупь они оказались очень мягкими.

— Не переживай, просто иди за мной.

Е Муань незаметно ускользнул из-под чужой руки:

— Я ничего не говорил. Руки И Вэньтунтона застыли. Он повернулся к Е Муаню спиной и бросил:

— Тогда убери это свое недоверчивое выражение с лица.

— ...

Неужели его эмоции были настолько заметны?

Всю дорогу И Вэньтун шел впереди, шагая широко и быстро, прокладывая путь. Е Муань плелся слева от него, и со временем на лбу у него выступили капли пота.

Е Муань смутно чувствовал, что И Вэньтун не в духе. Если бы вы спросили его, как он догадался об этом по вечно бесстрастному лицу собеседника, он бы и сам не смог толком объяснить — просто интуиция. А если выразиться точнее, за это время он несколько раз пытался заговорить, чтобы разрушить повисшую между ними тишину, но каждый раз ускорившийся шаг И Вэньтуна заставлял его проглотить слова обратно.

Тело и впрямь было совершенно не тренировано, стоило пройти лишнюю пару шагов, как сбивалось дыхание, так что ему было совсем не до разговоров.

Но теперь, даже если ему не хотелось говорить, приходилось:

— Послушай... остановись на минуту.

Услышав это, И Вэньтун остановился и обернулся к нему.

Е Муань запыхавшись подошел к нему, перевел дыхание и только тогда произнес:

— Ты же вчера говорил, что дорогу впереди преградило упавшее дерево и обвал, почему мы тогда снова идем сюда?

И Вэньтун был на добрую голову выше Цай Боаня, так что мальчику пришлось слегка запрокинуть голову, глядя на него. Опустив взгляд, И Вэньтун заметил, что из-за сильной усталости бледные щеки ребенка покраснелись, а пара прекрасных глаз то и дело моргала, глядя на него. На самом кончике носа мальчика блестели крошечные капельки пота. Сердце И Вэньтуна дрынуло, будто его коснулось легкое перышко, и его правая рука бессознательно потянулась, чтобы смахнуть пот с носа ребенка, но, едва чуть шевельнув пальцами, он замер.

Е Муань не заметил этого мимолетного движения и продолжил:

— Я тебя спрашиваю, почему мы идем сюда?

— Дорога должна быть свободна.

— Откуда ты знаешь?

— Интуиция.

— ...

Какая потрясающая, ни на чем не основанная уверенность, — мысленно фыркнул Е Муань, но все же послушно последовал за И Вэньтуном.

— Вот видишь, дорога свободна.

Раз уж И Вэньтун сумел свалить дерево, у него, разумеется, нашлся способ расчистить горную тропу.

Только вот сцену он обставил так, будто из-за неустойчивого равновесия рухнувшего дерева часть земли и камней сорвалась в пропасть, как раз пробив проход.

Глядя на расчищенный проход, Е Муань невольно подумал, что отныне мужская интуиция вполне может потягаться с женским шестым чувством!

Когда И Вэньтун предложил проводить Е Муаня до дома, Е Муань охотно согласился — в конце концов, они оба сейчас были грязными с ног до головы, и по крайней мере И Вэньтуну стоило переодеться, прежде чем отправляться дальше.

Разумеется, в размышлениях об этом Е Муань совершенно упустил из виду клан Цай. Поэтому, когда Цай Синьжун увидел двух человек, выглядевших так, будто они только что вылезли из грязи, его брови сошлись на переносице в глубокую складку.

— Сяоань, где ты пропадал прошлую ночь? Как ты мог не ночевать дома и даже не подать весточку родным! — мрачно произвел Цай Синьжун. Он демонстративно проигнорировал незнакомца, стоявшего рядом с Цай Боанем. По его мнению, тот, кто водится с Цай Боанем, вряд ли мог оказаться порядочным человеком; к тому же у этого парня была чересчур соблазнительная и яркая внешность, что, учитывая недавнее пристрастие Цай Боаня пропадать целыми днями по барам и ночным клубам, наводило Цай Синьжуна на самые дурные мысли.

— Я собирался подняться в горы, чтобы собрать кое-какие ингредиенты, но не ожидал, что случится горный обвал. К счастью, я встретил брата Вэньтуна, и благодаря его заботе мне удалось избежать беды в том переполохе. Мы переждали ночь в лесу, и только сегодня утром, когда брат Вэньтун помог мне отыскать дорогу с горы, я смог вернуться домой, — полуправдиво ответил Е Муань.

И Вэньтун бросил на Цай Боаня долгий взгляд: неужели этот ребенок так намеренно приукрасил его заслуги из-за того, что его проигнорировали? Хотя в этом не было никакой необходимости, все равно было довольно забавно, когда кто-то так тебя защищает.

И Вэньтун перевел взгляд на Цай Синьжуна и заметил, что тот смотрит на него в ответ, и слегка улыбнулся ему.

Цай Синьжуна невольно передернуло: в улыбке этого молодого человека чудилась немалая доля холода, а во взгляде сквозило такое давление, что невольно начинаешь чувствовать себя ничтожным. Уж точно такой аурой не обладали те смазливые пустышки из ночных клубов.

Пусть Цай Синьжун и не видывал больших видов, но прожитые годы давали о себе знать, кое-какой опыт в оценке людей у него имелся. Он смутно догадывался, что этот молодой человек явно не из простой семьи, и поспешил исправить положение:

— Вэньтун, верно? Прости за беспокойства. Этот мальчишка просто невыносим, я только что со зла потерял голову и не заметил гостя, не принимай близко к сердцу.

— Вы слишком любезны, дядя! — И Вэньтун сделал вид, будто не разгадал истинных мыслей Цай Синьжуна, и продолжил: — Сяоань на самом деле очень рассудительный, в горах он мне во многом помог. Сразу видно, что у него прекрасное воспитание.

<http://bllate.org/book/21646/2233853>